

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Мас. 1355

357. Наконецъ-то!... Наконецъ-то наша литература смѣло и искренно принимается за современную жизнь, наконецъ-то она обмолвилась серьезнымъ и оригинальнымъ словомъ... Эта мысль невольно приходитъ въ голову при чтеніи новой драмы Чехова „Ивановъ“. Драма эта возбудила наибольшій интересъ во весь текущій сезонъ; о ней много говорили и говорятъ до сихъ поръ, о ней даже спорятъ искренно и одушевленно, что теперь случается далеко нечасто. Видно, что драма эта задѣла зрителей за живое, затронула что-то всѣмъ намъ близкое и для насъ важное. Въ печати также, вслѣдъ за представленіемъ драмы на александринской сценѣ, появилось нѣсколько отзывовъ о ней, преимущественно, впрочемъ, отзывовъ присяжныхъ театральныхъ рецензентовъ, говорившихъ объ успѣхѣ драмы и объ ея сценическихъ особенностяхъ. Въ настоящее время пьеса Чехова напечатана, и намъ хочется поговорить о ней, какъ о явленіи литературномъ, чего она вполне заслуживаетъ по своему содержанію.

Дѣйствіе драмы очень несложно и сводится, въ сущности къ слѣдующему. Въ деревнѣ, въ средней полосѣ Россіи, живетъ помѣщикъ Ивановъ, занимающій должность непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Онъ женатъ на еврейкѣ, ради него перемѣнившей вѣру и подвергшейся родительскому проклятію и лишенію наслѣдства. Она сильно привязана къ нему, любитъ его до самозабвенія. Онъ уже охладѣлъ къ ней. Чтобы разсѣять тоску, овладѣвавшую имъ въ присутствіи больной жены (у нея чахотка) и желчнаго, раздражительнаго дяди (графа Шебельскаго), онъ часто уѣзжаетъ къ сосѣдямъ, Лебедевымъ. Дочь стариковъ Лебедевыхъ, двадцатилѣтняя Саша, влюбляется въ Иванова и сама первая признается ему въ этомъ. Тотъ моментъ этой сцены, когда Ивановъ на слова любви отвѣчаетъ объятіями, застаетъ его жена. Вскорѣ послѣ этого, измученная холодностью мужа и ревностью къ нему, она умираетъ отъ чахотки. Ивановъ становится женихомъ Саши.

Черезъ годъ ихъ свадьба. Въ день, назначенный для вѣнчанія, когда родители готовы уже благословить свою дочь, вопреки всѣмъ обычаямъ и приличіямъ, въ домъ Лебедевыхъ пріѣзжаетъ Ивановъ, во фракъ и бѣлыхъ перчаткахъ, совсѣмъ готовый къ вѣнцу. Онъ проситъ, чтобы ему позволили поговорить наединѣ съ невѣстой и умоляетъ ее отказать ему, не идти за него замужъ. Саша, все еще надѣющаяся спасти и поддержать Иванова, остается вѣрна своему слову, приказываетъ ему ѣхать въ церковь и ждать ее и зоветь отца. Послѣ довольно длиннаго объясненія Иванова съ Лебедевымъ, изъ котораго послѣдній все-таки ничего не понималъ, въ комнату входятъ родные и гости Лебедевыхъ, въ томъ числѣ и докторъ Львовъ, лѣчившій покойную жену Иванова и любившій ее. Докторъ этотъ передъ всѣми называетъ Иванова подлецомъ. „Покорнѣйше благодарю“, холодно отвѣчаетъ тотъ и тутъ же при всѣхъ, въ отвѣтъ на брошенное въ него обвиненіе, застрѣливается.

Вотъ остовъ драмы, вотъ ея дѣйствіе, отвлеченное отъ характеровъ и побочныхъ обстоятельствъ. Развязка драмы, при такомъ изложеніи, представляетъ загадку. Разрѣшить ее можетъ только характеръ Иванова, являющійся центромъ драмы и внутри себя носящій всѣ пружины дѣйствія. Для выраженія этого характера собственно и создана вся драма.

Что же это за характеръ?

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче — русская хандра
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлится, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.

Больше чѣмъ полъ-вѣка назадъ написано это, но недугъ, о которомъ говоритъ поэтъ, поражаетъ насъ и въ настоящее время. Странную вообще особенность представляетъ исторія нашей интеллигенціи за послѣднее, по крайней мѣрѣ, столѣтіе. Люди, весьма мѣтко названные у насъ въ литературѣ „героями времени“, обладающіе тайною привлекать сердца современниковъ, становятся для нихъ невольными образцами подражанія, словно бы они переживали необхо-

дныя мысли и настроенія времени, — эти люди, почти всѣ безъ исключенія, были обречены на глубокое и постоянное страданіе. Всѣ они извѣрились въ себя и охладѣли къ жизни, всѣ они неудовлетворены, всѣ мучатся и ищутъ выхода. Припомните Онѣгина, Печорина, Рудина, Гамлета Щигровскаго уѣзда, Нежданова. Условія жизни и воспитанія, общественная среда, форма и причина владѣвшаго ими недуга мѣнялись для каждаго времени, но сущность его все та же тоска, не позволяющая жить спокойно, просто человѣческой жизнью.

Едва ли, однако, недугъ этотъ былъ когда-либо распространенъ въ такой степени, какъ въ наше время. Поколѣніе, только-что вступившее въ пору мужества и зрѣлости, заражено имъ въ огромной своей части. Печать унынія, тоски, безсилія жить легла на все общество. Мы всѣ это видимъ, чувствуемъ, но въ литературѣ до сихъ поръ не было ничего, сколько-нибудь ярко и серьезно выражающаго современную форму этого стараго недуга. Драма Чехова есть опытъ именно въ этомъ родѣ. Авторъ взялъ этотъ всѣми чувствуемый, но неимѣющій имени недугъ, взялъ его прямо, искренно, правдиво и назвалъ его самою обыкновенною, ходячею, избитою фамиліей Иванова. Въ ряды „героевъ времени“, въ ряды Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Бельтовыхъ и Рудиныхъ пытается проникнуть новая, нисколько уже не аристократическая личность Николая Алексѣевича Иванова, и какъ увидимъ, претензія его далеко небезосновательна. Не знаемъ, долго ли удержится имя Иванова въ родословной нашихъ „героевъ времени“. Быть можетъ, рано или поздно явится въ нашей литературѣ личность, имѣющая болѣе законныхъ правъ на представительство современнаго поколѣнія, и затмитъ собою, своимъ художественнымъ значеніемъ и силою, грубовато сдѣланный образъ Иванова. Но до сихъ поръ этотъ образъ является лучшимъ выраженіемъ господствующаго среди насъ настроенія и даетъ намъ право причислить Чехова къ тѣмъ художникамъ, которые умѣли схватывать и изображать внутреннюю фізіономію смѣняющихся поколѣній.

38. Посмотримъ, какъ отразилась фізіономія нашего поколѣнія въ образѣ Иванова. Обращаясь къ драмѣ Чехова, нельзя, конечно, не замѣтить существеннаго недостатка ея, обли-

чающего въ авторѣ еще неопытнаго драматурга. Недостатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что до четвертаго акта герой драмы, Ивановъ, совсѣмъ почти не дѣйствуетъ. Да и вообще три первые акта ея стоятъ словно внѣ плана собственно драматическаго дѣйствія, не развиваютъ и не движутъ его, а изображаютъ какъ бы состояніе предшествующее драмѣ, являются какъ бы ея прологомъ, знакомящимъ насъ до нѣкоторой степени съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимными отношеніями. Появленія Иванова во всѣхъ этихъ сценахъ отвѣчаютъ только такой цѣли, но не представляютъ ³⁹ настоящего драматическаго изображенія характера, раскрывающагося въ дѣйствіи. Какъ мы уже сказали, въ этихъ сценахъ онъ въ сущности не дѣйствуетъ, а только занимается самоанализомъ. Но и этотъ самоанализъ проявляется у него не въ монологахъ, отвѣчающихъ болѣе или менѣе напряженному состоянію души, въ монологахъ, составляющихъ во многихъ драмахъ ихъ лучшія мѣста, а въ разговорахъ съ окружающими его лицами. Разговоры всегда, правда, выражаютъ мысль автора, взглядъ его на занимающій его психологическій сюжетъ, но съ точки зрѣнія литературной техники такіе приемы не могутъ быть не признаны крайне примитивными и мало искусными. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ рѣчи Иванова — это или совѣты окружающимъ его людямъ, проникнутые горечью личнаго опыта, или попытки самоопредѣленія, которыя онъ дѣлаетъ, точно ставитъ докторскій діагнозъ. Рѣчи эти настолько характерны, однако, для выясненія авторской точки зрѣнія на характеръ его героя, что мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ Ивановъ доктору Львову, довольно не деликатно касающемуся его отношеній къ женѣ.

„Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право вамъ совѣтовать. Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональных

хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло... Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе. А жизнь, которую я прожилъ — какъ она утомительна! Ахъ, какъ утомительна!... Сколько ошибокъ, несправедливостей, сколько нелѣпаго!..."

Эти слова указываютъ намъ, что, по мысли автора, причиною современнаго недуга является душевное утомленіе, наступившее послѣ чрезмѣрнаго напряженія, то нравственное банкротство, которое должно было послѣдовать за преждевременнымъ и безумнымъ расходоуаніемъ ограниченныхъ силъ человѣческой личности, истраченныхъ къ тому же на цѣли недостижимыя, ничего не дающія въ утѣху этой личности. Поколѣніе, съ ранней юности кипѣвшее избыткомъ замысловъ и дѣятельности, въ зрѣлый возрастъ вошло уже совершенно состарившимся, усталымъ и разочарованнымъ.

Еще нагляднѣе и образнѣе мысль эта въ бесѣдѣ Иванова со старикомъ Лебедевымъ, котораго онъ прямо спрашиваетъ: „что со мною?“ и которому затѣмъ говорить слѣдующее: „Мнѣ кажется, или... впрочемъ, нѣтъ! Видишь ли, что я хотѣлъ сказать. У меня былъ рабочій Семень, котораго ты помнишь. Разъ во время молотьбы онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своей силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ; женился не такъ, какъ всѣ; горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Взвалилъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула. Впрочемъ, быть можетъ это не то... Не то, не то! Иди, Паша, съ Богомъ, я надоѣлъ тебѣ“.

Хотя Ивановъ и говоритъ, что это не то, но въ словахъ его много правды. Его поколѣніе, дѣйствительно, надорвавшееся поколѣніе. Оно, дѣйствительно, взваливало на себя огромные мѣшки и погибло подъ тяжестью этой ноши. Исторія его разочарованій и охлажденій не та, что исторія Онѣгиныхъ, „россійскихъ Гамлетовъ“ и Рудиныхъ. Охлажденіе Онѣгиныхъ есть въ значительной степени пресыщенность наслажденіями жизни. Это какъ бы преждевременное исто-

щеніе даннаго человѣку запаса эгоистическихъ радостей и удовольствій. Человѣку, умѣвшему только наслаждаться и возвысившемуся только до возможности изящныхъ и тонкихъ наслажденій, не хватаетъ матеріала на всю жизнь. Въ немъ по необходимости рано „остываютъ чувства“. Русскіе Гамлеты уже продуктъ иныхъ условій. Ихъ молодость ушла на отвлеченную науку, на нѣмецкую философію, на нѣмецкіе университеты. Изъ этой отвлеченной школы они попадали на родину, въ какой-нибудь Щигровскій уѣздъ, и тутъ мало-по-малу убѣждались, что ихъ родинѣ дѣла нѣтъ до тѣхъ логическихъ и діалектическихъ тонкостей, на постиженіе которыхъ они истратили лучшіе годы своей жизни, что они лишніе, ненужные своей странѣ люди. Оставалось или, очертя голову, броситься во что-нибудь, въ какое-нибудь дѣло, далекое, чужое, но хоть нѣсколько связанное съ усвоеннымъ курсомъ философіи, какъ сдѣлалъ Рудинъ, или остановиться на вѣчной насмѣлкѣ надъ собой, что постигло болѣе трезваго и холоднаго „Гамлета Щигровскаго уѣзда“. Молодость Ивановыхъ прошла въ химерахъ, но въ химерахъ дѣятельныхъ, требующихъ огромныхъ и непрерывныхъ подвиговъ. Они дѣйствительно пробовали выходить на борьбу съ тысячами, дѣйствительно сражались съ мельницами, дѣйствительно сильно вѣрили и были счастливы собою въ своемъ фанатическомъ и наивномъ ослѣпленіи. Но донкихотство безнаказанно не проходитъ. Рано или поздно глаза рыцарей какой угодно блистательной химеры открываются, и они со стыдомъ и грустью оглядываются на пройденный ими путь, на совершенные ими поступки. А между тѣмъ въ это рыцарство вложены всѣ силы, способности, съ ними были связаны всѣ ихъ надежды. И что же потомъ имъ остается? Частная жизнь, утѣхи семьи, радости мѣщанскаго счастья? Это послѣ того, какъ сражались со зломъ міра и своими мечтами счастливили человѣчество? Нѣтъ, это невозможно... Такія мечтанія даромъ не даются. Разбиваясь и падая, они вмѣстѣ съ тѣмъ поражаютъ и душу человѣка. Попадая съ ихъ высотъ въ дѣйствительность, они могутъ чувствовать себя въ ней такъ, какъ чувствуетъ себя богачъ, брошенный судьбою изъ роскошнаго дворца въ ночлежный домъ. Отвращеніе къ жизни, къ себѣ — вотъ постоянное ихъ чувство.

„Какъ я себя презираю, Боже мой!“ говоритъ Ивановъ едва ли не въ единственномъ своемъ монологѣ. „Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли! Ну, не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячился, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію такихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ, или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о Боже мой! Утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Имѣнье идетъ прахомъ, лѣса трещатъ подъ топоромъ (плачеть). Земля моя глядитъ на меня, какъ сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожитъ отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ“...

Если мы возьмемъ Иванова не какъ лицо въ драмѣ, а просто какъ психологическій діагнозъ автора, то внутренній образъ его представится намъ вполне яснымъ и чрезвычайно правдивымъ. Къ приведенному выше слѣдуетъ прибавить еще одну черту, весьма тонко подмѣченную авторомъ въ людяхъ, томящихся тоскою и отвращеніемъ. Это совершенное почти отсутствіе радостныхъ ощущеній или, по крайней мѣрѣ, ихъ мимолетность и безслѣдность, и зато необыкновенная чувствительность къ непріятностямъ, какъ бы они не были ничтожны и мелки. Когда Саша призналась Иванову въ любви, онъ на минуту ожилъ, смѣялся счастливымъ смѣхомъ, восклицалъ: „Это что же такое? Это значитъ начинать жизнь сначала? Шурочка, да? Счастье мое! Моя молодость, моя свѣжесть...“ Но посмотрите, какъ онъ относится къ этому своему порыву на другой день: „Сашу, дѣвочку, трогаютъ мои несчастья. Она мнѣ, почти старику, объясняется въ любви, а я пьянѣю, забываю про все на свѣтѣ, обвороженный какъ музыкой и кричу: новая жизнь, счастье! А на другой день вѣрю въ эту жизнь и счастье такъ же мало, какъ въ домового“... Тутъ же онъ признается и въ своей нервности и раздражительности: „Стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе, или не угодить прислуга,

или ружье дастъ осычку, какъ я становлюсь грубъ, золь и не похожъ на себя"... И дѣйствительно онъ часто злится и раздражается, то на стараго графа, то на Боркина (своего родственника), то на жену.

Но если Ивановъ длинными и умными самоанализами достаточно объясняетъ намъ самого себя, то нельзя не сказать, что анализы эти служатъ къ несомнѣнному вреду его какъ лица, какъ характера въ драмѣ. Зритель смотритъ драму со стороны, относится къ ней какъ къ проходящей передъ его глазами жизни, и въ разговорахъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ видитъ ихъ поведеніе, извѣстнымъ образомъ ихъ характеризующее. Съ такой точки зрѣнія у Иванова нѣтъ опредѣленнаго стиля, свойственнаго ему, какъ дѣйствующему лицу. Въ этомъ отношеніи всѣ прочія лица лучше охарактеризованы. Каждый изъ нихъ говоритъ своимъ опредѣленнымъ и притомъ болѣе или менѣе свойственнымъ ему языкомъ. Возьмите, на примѣръ, старика графа Боркина, доктора Лебедева. Но у Иванова нѣтъ тона, нѣтъ языка. Онъ, правда, всѣмъ почти себя объясняетъ, всѣмъ открываетъ свои страданія и жалуется на нихъ. Но здѣсь-то и сказывается фальшь драмы. Какъ характеръ, Ивановъ вовсе не такъ слабъ и внутренно безпомощенъ, чтобы изливаться въ жалобахъ передъ окружающими, передъ ограниченнымъ и ходульнымъ докторомъ, передъ старикомъ Лебедевымъ, никакъ не могущимъ понять его. Напротивъ, его духовный горизонтъ шире, чѣмъ у кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ драмы, онъ богаче ихъ опытомъ, радостями и страданіями, и не ему искать у нихъ помощи. Наконецъ, какъ показываетъ исходъ драмы, онъ даже довольно рѣшителенъ и крѣпокъ волею, такъ что непрерывныя lamentаціи его не могутъ быть даже объяснены инстинктивной потребностью слабаго человѣка высказать кому-нибудь свою муку. Словомъ, какъ дѣйствующее лицо драмы, Ивановъ въ первыхъ трехъ актахъ поставленъ совершенно неправильно. Увлечшись разрѣшеніемъ сложной психологической задачи, разрѣшеніемъ извѣстнаго типа, авторъ упустилъ изъ виду условія драматическаго творчества и испортилъ своего Иванова, какъ характеръ.

До сихъ поръ мы говорили только о трехъ актахъ драмы. Четвертое дѣйствіе, насколько то возможно, искупаетъ всѣ

недостатки предшествующихъ. Положеніе, въ которое авторъ ставитъ здѣсь своего героя и совершенно ново и придумано чрезвычайно удачно. Какъ знаетъ уже читатель, Ивановъ въ послѣднюю минуту передъ свадьбою поразительно ясно понялъ, что онъ, отжившій и утомленный пессимистъ и скептикъ, не имѣетъ права вести къ алтарю молодую и чистую дѣвушку, не имѣетъ права своею судьбою губить ея жизнь. Онъ прѣзжаетъ къ невѣстѣ и умоляетъ ее отказать ему. Какъ это ново, сильно, и вдумайтесь, сколько здѣсь драматизма; вѣдь онъ любитъ ее, вѣдь безъ нея онъ одинъ въ жизни и, вѣроятно, одинъ навсегда. Но какъ ни равнодушенъ Ивановъ къ жизни, — чувство долга и чести, даже въ деликатнѣйшихъ ихъ проявленіяхъ, не чуждо ему. Онъ не можетъ рѣшиться на шагъ, котораго требуетъ отъ него сама невѣста и устраняетъ себя изъ ея жизни самоубійствомъ.

Здѣсь все ясно, выпукло, драматично и сильно. Дѣйствіе говоритъ здѣсь само за себя и говоритъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ діагнозы и вопли предшествующихъ актовъ. Чтобы отказать отъ любимой невѣсты, нужно дѣйствительно быть искренно убѣжденнымъ въ своей негодности къ жизни; чтобы просить ее объ этомъ отказѣ, нужна смѣлость дѣйствительно и глубоко разочарованнаго человѣка; наконецъ, чтобы застрѣлиться — глупо и нагло оскорбленному, безъ желанія оправданія и отомщенія, нужна полная безнадежность и презрѣніе къ жизни. Тутъ передъ нами встаетъ уже что-то непоправимое, какъ физическій недугъ, неотвратимое послѣдствіе роковой ошибки. Ивановъ — это жертва, которою расплачивается поколѣніе за ошибки своей молодости: вотъ мораль драмы.

Несмотря на всѣ указанные недостатки, драма Чехова очень интересна, какъ бываетъ интересна всякая вещь, написанная ³⁶² съ умомъ и талантомъ. Какъ интересенъ бываетъ талантливый авторъ даже въ своихъ ошибкахъ. Кромѣ центральной личности драмы — Иванова, всѣ прочіе ея персонажи очерчены очень живо и правдиво. Въ особенности свойственно имъ это послѣднее качество — правдивость. Эта правдивость навлекла даже на автора нареканіе въ томъ, что его персонажи все люди ненормальные. А между тѣмъ эта кажущаяся ненормальность есть не иное что какъ только

та своеобразная фیزیомія, которую каждый изъ людей носитъ въ дѣйствительности и которая при смѣломъ и правдивомъ изображеніи можетъ поразить насъ, какъ исключительное уродство. Съ истинно художественной точки зрѣнія всѣ живущія личности, всѣ человѣческія индивидуальности представляются въ сущности исключеніями изъ логически составленныхъ людскихъ категорій и нормъ. Р. Д.